

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 1 ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА И ЕГО СВЯЗЬ С ДРУГИМИ НАУКАМИ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

Основные термины и понятия темы:

Языкознание (языковедение, лингвистика) – наука о языке, его природе и функциях, его внутренней структуре, закономерностях развития.

Общее языкознание – раздел науки о языке, который изучает общие свойства, признаки и качества человеческого языка вообще или ряда языков.

Частное языкознание – раздел языковедения, который исследует каждый отдельный язык как особое, неповторимое явление.

Прикладная лингвистика – область языкознания, которая занимается решением практических задач, связанных с использованием языка: обучение неродному языку, создание алфавитов, автоматическая обработка текста, автоматическое распознавание и синтез речи и др.

Внешняя лингвистика – раздел языкознания, который занимается проблемой связи языка и общества, функциями языка в обществе, территориальным распространением языков и другими проблемами.

Внутренняя лингвистика – область науки о языке, которая изучает систему и структуру языка как самостоятельного явления.

Психолингвистика – раздел языковедения, который рассматривает все самые существенные явления языка как проявления психической деятельности человека.

Лингвосемиотика – область языкознания, которая рассматривает язык как главную и наиболее сложную знаковую систему.

Нейролингвистика – стык неврологии, биологии и лингвистики, где изучается языковое поведение человека в норме и патологии, структурное сходство генетического кода и естественного языка.

Лингвогеография – союз лингвистики и географии, исследующий территориальное распространение языков и диалектов, отдельных языковых явлений.

Математическая лингвистика – стык математики и лингвистики, разрабатывающий формальный математический аппарат для описания естественных языков.

Логосическая теория происхождения языка – язык был создан божественным, духовным началом.

Теория звукоподражания – язык возник из стремления человека к подражанию звукам окружавшего его мира.

Междометная теория происхождения языка – язык возникает как выражение душевных состояний человека.

Жестовая теория – язык происходит из мимических и пантомимических реакций, сопутствующих психическим движениям внутреннего мира человека.

Теория общественного договора – язык возникает в результате коллективного соглашения людей.

Теория трудовых выкриков – своим происхождением язык обязан трудовым выкрикам, сопровождавшим коллективный труд.

Трудовая теория – труд, язык и мысль формировались одновременно, в единстве и взаимодействии; огромное значение для формирования языка имело прямохождение обезьяны и освобождение руки.

Вопросы для обсуждения:

1. Языкознание как наука.
2. Связь языкознания с другими науками.
3. Логосическая теория происхождения языка.
4. Теория звукоподражания.
5. Междометная теория происхождения языка.
6. Теория происхождения языка из жестов.
7. Теория общественного договора.
8. Теория трудовых выкриков и трудовая теория.

Персоналии:

Пáнини (V – IV вв. до н. э.) – выдающийся лингвист Древней Индии, автор первой нормативной грамматики древнеиндийского языка (санскрита) «Восьмикнижие».

Аристотель (384-322 гг. до н. э.) – древнегреческий философ и ученый-энциклопедист, ученик Платона, учитель Александра Македонского. Вопросы устройства языка затрагиваются в работах “Поэтика” и “Риторика”. Основатель логического направления в языкознании.

Фрэнсис Бэкон (1561-1626) – английский философ, один из создателей концепции философской грамматики, которую он изложил в работах “О достоинствах и усовершенствовании наук” и “Новый Органон”.

Рене Декарт (1596-1650) – французский философ, один из авторов проекта создания философского (искусственного) языка.

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646-1716) – немецкий ученый, один из авторов идеи об универсальном символическом языке, которую он сформулировал в диссертации “Об искусстве комбинаторики”. Уделял много внимания родству языков и их генеалогической классификации.

Якоб Гримм (1785-1863) – немецкий языковед, автор четырехтомной “Немецкой грамматики”, один из основоположников сравнительно-исторического языкознания.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) – немецкий языковед, основатель общего языкознания. Языковые познания Гумбольдта охватывали европейские, малайско-полинезийские, индейские языки, санскрит, баскский, китайский, японский, древнеегипетский и другие языки мира, что обеспечивало ему необычайную широту лингвистического кругозора и давало надежную основу для общетеоретических построений. Наиболее полно концепция языка Гумбольдта изложена в работе “О разнообразии

структур человеческого языка” и теоретическом введении к трехтомному труду “О языке кави на острове Ява”, занимающем целый том под названием “О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода”.

Август Шлейхер (1821-1868) – немецкий языковед, основоположник натуралистической концепции в языкознании. Шлейхер наряду с языкознанием изучал философию и ботанику, что наложило известный отпечаток на его взгляды. Наиболее полно и отчетливо натурфилософия языка Шлейхера отражена в работах “Теория Дарвина и наука о языке” и “Значение языка для естественной истории человека”.

Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) – украинский и русский языковед, один из основоположников психологического направления в языкознании, крупнейший представитель общего языкознания. Общелингвистические взгляды А. А. Потебни находят свое отражение в работах “Мысль и язык”, “Из лекций по теории словесности”, в четырехтомном труде “Из записок по русской грамматике”.

Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845-1929) – русский и польский языковед, основатель и глава Казанской лингвистической школы. Стоял у истоков возникновения нейролингвистики как науки. Бодуэн де Куртене родился в Польше. Как показывает его фамилия, его предки по отцовской линии были французами, переселившимися в начале XVIII в. в Польшу. Большую часть своей жизни Бодуэн провел и работал в России. Бодуэн де Куртене владел многими языками – русским, польским, немецким, французским, литовским, итальянским, хорошо знал чешский, эстонский, латышский и другие языки. Свои многочисленные работы он писал почти на всех европейских языках. Автор работ “Языкознание, или лингвистика, XIX века”, “Введение в языкознание”.

Фердинанд де Соссюр (1857-1913) – швейцарский ученый, выдающийся лингвист XX в., один из основоположников структурализма и социологического направления в языкознании, видный компаративист. Автор работы “Курс общей лингвистики”. Эта книга получила мировую известность своей оригинальной концепцией и оказала большое влияние на становление разнообразных направлений лингвистики XX века.

Гейман Штейнталь (1823-1899) – немецкий ученый, один из основателей психологического направления в языкознании. Автор работ «Грамматика, логика и психология, их принципы и взаимоотношения», «Происхождение языка».

Вильгельм Вундт (1832-1920) – немецкий философ и психолог, языковед. Автор теории происхождения языка из жестов, крупнейший представитель психологического направления в языкознании. Издал многотомный труд «Психология народов. Исследования законов развития языка, мифов и обычаев»; первые два тома посвящены языку.

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. Что является первым научным описанием древнеиндийского литературного языка?
2. Как изменялся предмет науки о языке?
3. Укажите основные области и разделы языкознания, проблемы, которыми они различаются.
4. Чем обусловлена связь языкознания с другими науками?
5. С какими гуманитарными, естественными, физико-математическими и техническими науками связано языкознание?
6. Что изучает палеография, социолингвистика, психолингвистика, лингвосомиотика, нейролингвистика, лингвогеография? На стыке каких наук они образовались?
7. В чем различие между лингвистическим и литературоведческим подходом к языку?
8. Назовите основные теории происхождения языка.
9. Расскажите о ведической, библейской и конфуцианской разновидностях логосической теории происхождения языка.
10. В чем суть теории звукоподражания?
11. В чем суть и как развивалась междоменная теория происхождения языка?
12. Как, согласно представителям теории происхождения языка из жестов, возникает язык?
13. Какой принцип оформился в виде теории общественного договора? Назовите представителей данной теории.
14. В чем суть теории трудовых выкриков и трудовой теории происхождения языка?

Темы рефератов

1. Социолингвистика как наука.
2. Нейролингвистика как наука.
3. Семистика как наука.
4. Психолингвистика как наука.
5. Языкознание и религия.

Литература:

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
2. Белянин В.П. Введение в психолингвистику. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
3. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. 3-е изд. М., 2003.
4. Гируцкий А.А. Введение в языкознание. 3-е изд. Минск, 2005.
5. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Основы нейролингвистики. Минск, 1998.
6. Головин Б.Н. Введение в языкознание. 4-е изд. М., 1983.
7. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1978.

8. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1998.
9. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2004.
10. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. 2-е изд., испр. М., 1996.
11. Николаева Т.М. Теория происхождения языка и его эволюция – новое направление в современном языкознании // Вопросы языкознания, 1996, № 2.
12. Норман Б.Ю., Павленко Н.А. Введение в языкознание. Хрестоматия. 2-е изд. Минск, 1984.
13. Поливанов Е.Д. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 2006.
14. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
15. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
16. Сцяцко П.У. Уводзіны ў мовазнаўства. Гродна, 2001.
17. Якушкин Б.В. Гипотезы о происхождении языка. М. 1984.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 1. Я.М. РОЗВАДОВСКИЙ. ЗНАЧЕНИЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ.

* * *

Ян Михал Розвадовский (1867 – 1935)

Я.М. Розвадовский – польский языковед, профессор Ягеллонского университета, автор ряда работ по общему языкознанию и полонистике. Посмертно изданы «Избранные труды» (1. Полонистические исследования, 1959; 2. Индоевропейское языкознание, 1960; Общее языкознание, 1961).

Ниже приводятся отрывки из избранных трудов по общему языкознанию – «Значение науки о языке». Основные положения этой работы не потеряли своей актуальности и поныне. В образной и яркой форме Я. Розвадовский говорит в ней о значении языкознания для человечества, о его роли в развитии мышления и восприятии точных знаний, о важности науки о языке для изучения истории и культуры, о воспитательной значимости языковедения. Современнно звучит тезис о необходимости для любой науки учитывать те ограничения, которые накладывает на познание язык. Нельзя не согласиться с мыслью Я. Розвадовского о необходимости дальнейшего развития языкознания, о превращении его в точную науку, стоящую на базе широких естественнонаучных и философских обобщений.

* * *

Старая пословица гласит, что каждый кулик свое болото хвалит, причем имеются, конечно, в виду не птицы, а люди. Мы хорошо знаем, что пословица говорит, однако не задумываемся над общим смыслом этой правды, хотя он весьма любопытен и мог бы нас даже привести к метафизике; мы утверждаем только, что древний смысл пословицы – относится к ученым в такой же степени, как и ко всем другим людям – не в меньшей, и не в большей степени, а кто знает – может быть даже и в большей.

Каждый ученый хвалит свою науку. И не только в шуточных беседах с коллегами филологами, астрономами или философами, но и в самых ответственных выступлениях и заявлениях. Физик, например, утверждает, что все научное знание должно быть сведено к физике, причем учение о мертвой природе уже теперь, а биология – в будущем. Биолог стремится, напротив, все гуманитарные науки свести к учению о жизни; с еще большим основанием расширяет границы своей науки в этом же направлении антрополог; филология определяет сама себя как науку о культуре, стараясь вовлечь в свою орбиту все другие гуманитарные науки; подобные же устремления обнаруживаются и у историков; и, наконец, за всеми следует философия, именующая себя королевой наук. Но ведь еще существует и математика! Ну право же!

Любопытное и в то же время очень неясное положение.

Естественно, что расширять границы отдельных наук можно только до известного предела, так как каждая наука, является, без сомнения, частью общего знания, науки в целом: можно, идя от каждой отдельной науки, прийти к целому. Более значительные трудности создает постепенное исчезновение границ между науками естественными и гуманитарными. <...> Но в каждом отдельном случае недопустимо не отличать часть от целого, а также чрезмерно расширять границы уже определившихся привычных понятий и терминов. Дело тут заключается несомненно в том, что наряду с попытками философского осмысления и объединения тех или иных понятий мы сталкиваемся с ограниченным эгоизмом, захватническими тенденциями. Однако как же быть? Разве то, чему ты посвящаешь жизнь, не должно казаться тебе наилучшим?

В хоре самовосхваления слышится и голос языкознания, еще довольно слабый, как и всякого иного создания, но уже отчетливо доносящийся до нас. Иногда этот голос звучит очень приятно, как это было, например, у львовского профессора Блатта, о котором его бывший ученик проф. Гавронский рассказывал, что тот нередко во время лекции, охваченный чувством любви к своей науке, останавливался и произносил с тем же энтузиазмом, с каким священнослужитель говорит о божестве: не знаю, есть ли другая подобная наука на свете.

То, что язык имеет очень большое значение, а для человека прямо-таки первоочередное, уже давно известно, и это положение не нуждается в особых доказательствах. Можно даже предположить, что значительная часть людей согласилась бы лучше расстаться с жизнью, нежели лишиться дара речи; к этим людям относятся, наверное, подавляющее большинство политических деятелей, журналистов и т. д., – более того, если бы подобным людям не дать возможности свободно высказываться, у них, вероятно, наступило бы отравление... языком.

Но если наука о языке действительно очень важна, то в чем же ее значение? Говоря о важности языкознания, не действуем ли мы согласно известной поговорке: куда и конь с копытом, туда и рак с клешней.

Давайте посмотрим.

1

Сугубо практическое значение языкознания невелико, оно состоит в возможности улучшить методику обучения и изучения языков, в особенности иностранных. Можно, впрочем, изучить неродной язык и со слуха, в процессе общения, как это делают дети в родной семье. Но подобный путь изучения доступен только для малышей. В конечном счете только учитель, владеющий наряду с практическим знанием языка основами языкознания, фонетики и т. д., может научить языку легче и лучше по сравнению с чистым эмпириком. В школьной практике научный подход необходим, и для этого нужны хорошие, понятные учебники, а также знакомство с элементами языкознания. В этом направлении еще многое предстоит сделать.

Приведем один небольшой пример. Значительная часть поляков, изучавшая английский язык с помощью традиционных, неудовлетворительных методов, произносит английское *th* или как *s*, *z*, или как *t*, *d*, или, наконец, еще хуже хотя правильное произношение не представляет в данном случае особых трудностей и ему можно научить, при том условии, естественно, что учитель сам хорошо представляет себе нужные артикуляции. Если он, например, скажет ученикам: немного приоткройте рот, коснитесь краем языка верхних зубов, – да еще подкрепит объяснение рисунками, показом положения собственного языка, то ученики легко усвоят правильное произношение английского *th*, являющегося разновидностью свистящего [s] сперва глухого, затем звонкого.

Общее улучшение качества современных учебников определяется использованием фонетики, разработкой необходимых правил и подбором примеров. Значительную роль играет также приближение школьного преподавания к естественным условиям изучения языка, в частности, овладение живой разговорной речью, а не только оборотами и правилами произношения книжного языка, пригодными лишь для парадных случаев.

2

На втором месте следует поставить общее воспитательное значение языкознания как предмета школьного преподавания.

Если мы спросим себя, чем отличается психика современного человека, в особенности его интеллект, от примитивной психики людей прошлого, эпохи средневековья, то ответ должен гласить: стремлением вскрыть закономерности окружающей нас действительности путем установления между ними причинных связей; объективностью подхода как к фактам и явлениям действительности, так и к поступкам людей; ясным

представлением об изменчивости бытия, т. е. наличием понятия об эволюции, не исключая, однако, представления об относительной устойчивости тех реалий, из которых образуются те или иные эволюционные ряды, потребностью понять общую направленность этой эволюции, ее главные тенденции; наконец, ростом самосознания людей, что в свою очередь является непосредственным и общим следствием постоянно продолжающегося и интенсивного процесса познания человеком мира и самого себя. Фактом первостепенного значения следует считать, чтобы юноша, оканчивающий среднюю школу, уже обладал в главных чертах современным мышлением, чтобы он вместе с большей частью общества, а по возможности и со всем своим окружением поднялся на ту ступень развития, которая до сих пор была уделом небольшой, передовой части человеческих объединений.

Вместе с тем это не такое простое дело. Во-первых, часть молодежи приходит в школу из среды со старым, иногда даже примитивным типом мышления. Эти молодые люди должны оставить многие прежние привычки и многому научиться или же школа должна провести с ними большую подготовительную работу, затратить на это много усилий. Во-вторых, ребенок или молодой человек, независимо от степени культурности той среды, из которой они пришли в школу, должны прежде всего ознакомиться со множеством фактов, усвоить основы различных наук, причем в такой степени, чтобы ими свободно овладеть. Это требует затраты большого количества времени и энергии, в результате чего в процессе школьного обучения иногда опускаются другие важные моменты и признаки; нам приходится видеть немало молодых людей, голова которых заполнена обрывками современных наук, но которые тем не менее мыслят совершенно примитивно.

Все это особенно ярко проявляется в области гуманитарного образования. Изучение естественных наук по самому своему характеру заставляет относиться с уважением к фактам, побуждает к объективности исследования и поискам причинных связей между явлениями действительности; впрочем и здесь иногда могут выпасть из поля зрения некоторые важные моменты. Но изучение гуманитарных предметов дает, можно сказать, совершенно противоположные результаты. В соответствии с распространенным мнением эти предметы должны воспитывать не только способность к мышлению, но также сердце и характер. Поскольку, однако, о современном состоянии и истории человеческой культуры школа дает лишь не связанные между собой и толкуемые по отдельности обрывки знаний, претендующие к тому же на нереальную вневременность и сводящиеся в сущности к борьбе единичных, индивидуальных мотивов с одновременной утратой исторической перспективы и представления о подлинных тенденциях развития, постольку результатом образования вместо желаемого и реального знания является скорее всего полная дезориентация. На

это имеется много причин, но мы не имеем возможности теперь о них подробнее говорить.

Тем самым разумно организованное обучение науке о родном языке могло бы ко всем перечисленным минусам гуманитарного образования прибавить важные плюсы, в особенности в части тех недостатков и потребностей, о которых уже говорилось. Необходимо прежде всего иметь в виду, что материал родного языка образует сложное единство, состоящее из множества отдельных деталей, которые, однако, объединяются в определенные группы и ряды; кроме того, этот материал уже заранее известен учащимся, так как школьное обучение начинается тогда, когда ребенок уже владеет родным языком. Так как факты языка представляются, с одной стороны, психическими и субъективными, с другой – объективными, не зависящими от личности, они очень удобны для наблюдения, для беспристрастного и объективного изучения взаимной связи психических и культурных явлений с физическими и в особенности с физиологическими, а также для объективного самонаблюдения. Материал родного языка, которым располагает каждый ученик, обладая единством и целостностью, обнаруживает вместе с тем самые разнообразные связи и опосредования, этот материал может в то же время беспрестанно расширяться, создавая непосредственную связь с окружением ребенка, превращая его тем самым в малую частичку великой общности, и это происходит не на основе пустых фраз, а на основе реальных фактов, неисчислимых и мелких, но образующих вместе с тем одну большую систему.

Далее, ни один из гуманитарных предметов, кроме языка, не представляет такой удобной возможности для наблюдения, с одной стороны, ярко выраженной устойчивости отдельных элементов и типов, с другой – их постоянного преобразования, процесса их непрерывного развития; каждая языковая единица и категория отличается большой определенностью и обладает целостностью, не зависящей от воли человека, она имеет также внешнюю форму и значение; в то же время, как это явствует из сравнения языков разных людей, профессий, местностей и эпох, элементы языка подвержены постоянной эволюции, причем эта эволюция подчинена строгим закономерностям, так как каждый факт изменения включается в ряд ему подобных, как это можно без труда показать.

Тут нужно сделать только одну оговорку. Создание «науки» о родном языке, работа над ним в этом направлении возможны только при обучении детей старшего возраста, быть может, только в двух последних классах средней школы; «науке» о языке должен предшествовать подготовительный период, в свою очередь состоящий из двух фаз: на первой из них дети должны научиться хорошо говорить, читать и писать, на второй «строить грамматику», иначе говоря, на основе объективного наблюдения легкодоступных явлений пытаться уяснить себе строение и роль языка.

3

Отсюда возникает, вернее, может возникнуть наше представление о том, какое воздействие может оказать наука о языке на общий процесс воспитания молодого человека. Хотя это воздействие и является опосредованным, тем не менее оно весьма значительно. В конечном счете важно, чтобы молодой человек получил ясное представление об основных фактах жизненной эволюции, совершающейся с помощью индивидуальных новообразований, в равной мере и устойчивых и обнаруживающих тенденцию к развитию. Это одинаково относится ко всему миру как физических, так и психических явлений, как явлений природы, так и фактов духовного развития. Глубокое понимание этих особенностей бытия, проявляющихся во всех его сферах, даст юноше также столь необходимое для него умение ориентироваться во всех подробностях, течениях и связях человеческой жизни, обеспечит его в каждом отдельном случае надежной точкой опоры.

Речь идет и о необходимости понять, что если наше бытие разделяется на так называемую объективную сторону познания, т. е. окружающий нас мир, и субъективную – внутренний мир нашего я, то это как бы только две стороны одного целого, и человек всегда является только малой частицей этого единства. И ничто так не приближает к достижению этой цели, как изучение языка, который, являясь одновременно и физической и психической функцией человека, стоит как бы на грани этих двух сторон нашего опыта, образующих в сознании обычных людей два отдельных мира.

Очевидно, что школа может дать только первоначальные основы для будущей ориентации в жизненных вопросах и выработки реалистического мировоззрения или философии. <...> Необходимо только, чтобы в школе наряду с достаточно содержательной системой природоведческих дисциплин существовала столь же насыщенная система гуманитарных предметов. Нужно показать, что не только наука о природе, но в неменьшей степени и наука о культуре подготавливает к изучению и восприятию точных знаний, и лучшие возможности для этого предоставляет – по крайней мере теперь – язык.

4

Из области школьного преподавания мы переходим в область научного познания, к пониманию того, в чем заключается значение языкознания для других гуманитарных наук.

Наука о языке очень важна для изучения процесса культурного развития человека, в особенности для так называемого периода предистории, также для социологии, наконец, для логики и психологии. Предистория каждой человеческой общности, племенной, народной, родовой, расовой и т. д., уже закончившаяся для всего человечества, или наука о культурно-историческом развитии людей, о том, как каждая культура развивалась и

укреплялась, располагает различными средствами, однако чем больше мы углубляемся в прошлое, тем эти средства становятся все более скудными и малозначительными, результаты же исследования содержат все больше и больше пробелов. Для очень давних эпох имеются только остатки материальной культуры, обнаруживаемые при археологических раскопках древних поселений и захоронений. Можно, по правде говоря, утверждать, что человек в силу постоянно сохраняющейся связи поколений воплощает в себе весь процесс своего исторического развития, наследником и результатом которого он является, а также весь процесс развития своей культуры. По-видимому, так же, как сменяют друг друга отдельные поколения, чередуются между собой и отдельные этапы в развитии культуры, пересекаясь и переплетаясь друг с другом самым причудливым образом. Но как нельзя в каком-либо современном человеке или группе людей увидеть конкретные и индивидуальные черты их предков, отделенных от них временем в тысячи, десятки и сотни тысяч лет, так нельзя и в их современной культуре обнаружить ясный облик их культуры в далеком прошлом. Что, например, осталось у нас от не столь отдаленной от нас предхристианской веры и от всего языческого культа? В сущности лишь отдельные и мелкие пережитки; то же самое мы наблюдаем и в других различных областях.

Таким образом, наиболее удобным объектом для исследования становится язык, единственный продукт человеческой культуры, который в такой высокой степени представляет нам непосредственность и целостность процесса своего развития. Достаточно вспомнить здесь индоевропейское языкознание и те факты отдаленного прошлого, которые оно сумело добыть и о которых другие исторические науки до тех пор ничего не знали.

Поскольку язык является знаковой системой, охватывающей всю полноту психической жизни человека, а также внешним выражением этой внутренней жизни, он имеет и должен иметь важное значение для изучения психологии, как индивидуальной, так и коллективной; он важен и для логики, которая также пользуется средствами языка. Можно указать здесь на взаимосвязь логического суждения и грамматического предложения; в области психологии хорошо известно то, как трудно поддается непосредственному наблюдению сложнейший механизм психической жизни. И тут изучение языка может сыграть важнейшую роль.

5

Расширяя наши наблюдения, мы можем и здесь, и далее утверждать, что изучение языка имеет фундаментальное и важное значение для всех наук, так как с языком связаны элементы человеческого познания в самом широком смысле слова. Это, вероятно, и является самым важным в данном случае.

Следует также иметь в виду, что задолго до появления каких бы то ни было «наук», а также «религии» и «искусств», у человека, в его собственной

повседневной жизни уже были элементы и предпосылки всего этого, воплощенные в фактах языка в качестве образующих их знаков.

До религий, вероисповеданий, костелов и теологов существовали понятия и слова, обозначающие таинственные, загадочные для человека явления и силы, различные чары, добрых и злых духов, бога или богов, загробную жизнь, разнообразные небеса и пекла... Как много дает изучение таких слов, как *дух, душа, animus, anima, Seele, deus* и так далее без конца!

Задолго до появления какой бы то ни было «психологии» возникли и существовали слова, обозначающие дух, душу, мысль, смысл, ощущения, желания, понятия и под.

Прежде, чем возникла какая-либо «теория познания», в головах людей и в языке были уже слова, называющие ощущения, представления, суждения, понятия и воспоминания, правду и уверенность.

До появления кодексов, законодательства и философии, права и этики существовали обозначения для понятия права и правонарушений, зла и добра, преступления, добродетели, обязанности, вины и т. д. и т. п. Разве говоря о луне, месяце, полном и новом, солнце, его заходе и восходе, о небе и звездах, мы думаем и помним о том, что существуют вечные, старые как мир элементы «астрономии»?

А называя столько зверей и растений, деревьев и минералов, скал и водных пространств, задаемся ли мы мыслью о том, сколько здесь сложного «естественнонаучного знания» и сколько предметов и явлений этого рода познано и упорядочено до возникновения различных школ, кафедр, лабораторий и наук. А кто это сделал? Многие поколения наших неизвестных предков.

До появления профессиональной «поэзии» и «поэтов» уже в самые древние времена существовало поэтическое творчество, проявлявшееся в ритмизации речи, ассонансах и аллитерациях, употреблении рифм, сравнений, метафор и т. п. Безымянна в своих истоках, безмерна и могуча как жизнь поэзия.

Иначе говоря, вместе с теми проявлениями человеческой жизни, о которых уже говорилось, развивалось все, что называется наукой и философией, религией и поэзией. Все они берут начало из того, что уже существовало раньше, это значит, что еще до того, как все они еще не оформились, уже существовали и существуют рядом с ними и поныне соответствующие понятия языка.

Все счастье и несчастье человеческое, весь долгий, полный страданий, слез, тоски, радости и восторгов путь человечества запечатлелся и отложился в языке, весь тяжкий путь к познанию, морали, идеалам красоты, к высоким абстракциям и общим понятиям; все эти деяния нищих, нагих, темных существ, стремящихся преодолеть притяжение своей среды силой рук, зрения мысли...; вся эта борьба всебытия с небытием ничтожных, крохотных частиц, называемых живыми существами.

И только теперь, после долгого пройденного пути, постепенно возникает «наука», вновь возвращающаяся к языку и скрытым в нем объективным фактам знания... Необходимо изучать на фактах языка историю и сущность собственного познания, но при этом нужно помнить и о языковых условностях, тирании уже сложившейся формы, о большей или меньшей достоверности процессов объективизации, характерных для языка, иначе, изучая факты языка и пользуясь им, следует в то же время все более освобождаться от его оков. Естествоведы, смотрящие свысока на другие науки и гордящиеся «точностью» своих, слишком часто забывают о неизбежности той языковой формы, в которую облекается не только человеческое познание в целом, но и их познание, о тяжком грузе языковых традиций с их устоявшимися средствами и категориями.

Все эти рассуждения помогают нам понять то, сколько полезного может дать язык для изучения науки и философии, для понимания связи между наукой, религией и искусством, а еще более для уяснения вопроса о взаимоотношении между повседневной жизнью человека с присущим ей «практическим сознанием» и «познанием научным». А отсюда вновь вытекает мысль об общем воспитательном значении всего этого для человека! Необходимо только это хорошо понять, и во всех классах средней школы, а в дальнейшем во всей полноте в университете ввести курс науки о культуре в качестве предмета обязательного для всех, причем должен учитываться и язык как часть культуры и вместе с тем ее важнейшее орудие и общее выражение.

6

Таким образом, мы понимаем и определяем значение языка и науки о нем как связующего звена между науками естественными и гуманитарными, поскольку весь путь человеческого познания, все знание человека в различных сферах обычно разделяется на два мира, как бы не связанные между собой. Этому способствует и чисто теоретическое разделение наук на две группы. <...>

Можно полагать, что разделение наук на естественные и гуманитарные, или культуральные, напрашивается само собой; очевидно также, что большая часть гуманитарных наук, таких, например, как общая история или история литературы, стоит еще покуда на позициях, весьма далеких от наук естественных, и не пришла еще к каким-либо обобщениям, однако, независимо от этого, мы беремся утверждать, что номологично-идеологический критерий не может быть использован в качестве основного. <...>

В области явлений естественнонаучного характера индивидуальные факты не являются чем-то совершенно посторонним, так как и единичные образцы воплощают в себе черты действительности и без них не было бы, по крайней мере, в сфере органической жизни развития или эволюции.

В области же явлений культуры индивидуальный факт сам по себе имеет второстепенное значение, так как речь идет прежде всего о типе и общем законе. И языкознание, стоящее как бы на рубеже двух разделов науки, начинает выходить на ту же дорогу, то есть стремится сформулировать большие обобщения: о подчиненном же положении единичных фактов по отношению к понятиям типовым и квалификативным свидетельствует сам язык наиболее выразительным образом. Поэтому наука о языке может оказаться очень полезной своим односторонним сестрам с левой и правой стороны.

7

Как и все остальное, так и сознание, в частности наивысшая из известных нам его форм – самосознание человека, подлежит развитию. Очевидно, что в области самосознания наиболее высокой и трудной степенью является, как показывают философские исследования, самосознание в процессе интеллектуальной, религиозной и артистической деятельности. И тут снова на помощь приходит мысль языковеда, самосознание которого формируется на основе такого источника, продукта и вместе с тем орудия мысли, каким является язык. А так как мы в данном случае располагаем фактами ясно очерченными, объединенными в одну компактную и богатую систему и, невзирая на субъективность их употребления, имеющими вполне объективный характер, мы рассчитываем тут на успех – очевидно относительный, но тем не менее более основательный, чем в других областях. Во всяком случае стремление языкознания подняться до уровня истинной науки и перейти от приговорительной хроникально-анекдотической фазы к фазе философско-обобщающей имеет существенное значение для других гуманитарных наук и наук о культуре.

Поэтому существует все более ощущающаяся потребность наиболее быстро, полно и точно зарегистрировать весь современный еще доступный материал человеческой речи в его бесконечном разнообразии, иными словами, организовать общечеловеческую работу в области языкознания и подготовить для этой работы и ее выводов возможно более полный и конкретный материал. Задание – гигантское, но имеющее границы и выполнимое для людей... <...>

(Розвадовский Я. М. Значение науки о языке // Косовский Б.И. Общее языкознание. Хрестоматия. Мн., 1976. С. 12-23.)

ТЕКСТ 2. ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

* * *

Георгиев Владимир (род. 1908)

Болгарский языковед, профессор индоевропейского и общего языкознания в Софийском университете, член Болгарской Академии наук, почетный доктор Венского и Берлинского университетов.

В. Георгиев занимается в основном вопросами «доэллинского» языкознания, т. е. исследованием языков, которые предшествовали греческому в бассейне Эгейского моря. Наиболее важные работы: «Догреческое языкознание» (I – 1941, II – 1945), «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков)» (1958), «Введение в историю индоевропейских языков» (1966). <...>

* * *

I.1. Лингвистика должна искать новые методы: открытие и введение в практику в процессе лингвистического исследования новых методов или модернизация методов уже известных – одна из принципиальных проблем современной лингвистики, путь ее дальнейшего развития.

Мы лингвисты, как это довольно часто встречается в науке, работаем обычно в эмпирической манере. Для лингвистов, впрочем, эмпирический подход является особенно привычным: собираются факты, классифицируются, а затем делаются соответствующие выводы, в результате возникают гипотезы и теории. Между тем в данном случае возникают очень сложные проблемы. Никогда нельзя быть уверенным, что собраны все факты; с другой стороны, часто не все найденные факты используются, так как неизвестно, какие именно факты или целые категории их должны быть учтены при составлении конечных выводов. Эмпирический подход может дать надежные результаты только тогда, когда мы имеем дело с ограниченным кругом вопросов.

Гипотеза может считаться хорошей в том случае, если она объясняет по крайней мере 51 % фактов, однако остальные факты, которые оказались вне поля зрения исследователя, могут иногда не только изменить, но и опровергнуть гипотезу. Наиболее удачного решения проблемы можно ожидать в тех случаях, когда выводы опираются на объяснение всех фактов или хотя бы на возможно большее их количество. Прогресс научного знания заключается, впрочем, в появлении ряда гипотез, каждая из которых представляется более мощной и более обобщенной по сравнению с предшествующими.

<...> Стало уже классической традицией то, что основной базой нашего исследования являются методы историко-сравнительные и структурные. Они себя еще не исчерпали... Совершенствование этих методов, в том числе методов экспериментальных, индуктивных и

дедуктивных, методов ареальной лингвистики и лингвогеографических, составляет важную задачу современной лингвистики.

Бурное развитие в течение последних 20 лет нашего века математических методов заставляет говорить о возникновении новой дисциплины – «математической лингвистики». Семиология (семиотика) уже оформилась в автономную дисциплину.

2. Наиболее крупным открытием в области лингвистики во второй половине XIX века были фонетические законы, свободные от исключений... Руководствуясь принципом безысключительности фонетических законов, младограмматики сумели достигнуть значительных успехов в области сравнительного языкознания и этимологии. В сущности говоря, именно это открытие и позволило лингвистам считать свою науку подлинным знанием. Ведь научная дисциплина только тогда может присвоить себе почетное наименование точной науки, когда она в состоянии установить определенные закономерности в объекте своего изучения.

<...> Закон характеризуется двумя существенными признаками: отношением и категориальностью. Связи, т. е. соответствия между системами и целой структурой, а также отношения между монемами (единицами) в различных системах следует рассматривать как отношения. Регулярность же, определяемая статистически, – это принцип математической частотности. Сам же закон как совокупность правил является отношением категориального характера...

Регулярность – имманентное свойство самого языка, так как структура языка как и всякая другая структура, например атом, человеческий организм, экономическая формация и т. д., представляет собой относительную устойчивость взаимных (внутренних) отношений между частями сложного комплекса. Нет никакого качественного различия между законами фонетическими и естественными. Здесь наблюдаются только количественные различия, связанные с математической частотностью.

Структура языка может быть сравнена с поликристаллом в физической химии. Каждый элемент химической субстанции обладает собственной кристалличностью, которая является результатом действия специфического закона кристаллизации. По этому закону химические элементы изменяются в монокристаллы и поликристаллы. Но они обычно в природе существуют не изолированно. Законы их кристаллизации обычно пересекаются с другими законами в том сложном окружении, в котором эти элементы находятся в периоде своей кристаллизации. Так возникают сложные поликристаллические комплексы. Структура языка таким образом сходна со структурой поликристаллической, и законы образования поликристаллов относятся к той же категории, что и законы, направляющие эволюцию языка. Изменения языка происходят без исключений, если отсутствуют какие-либо нарушающие факторы.

Лингвистика, имеющая в качестве объекта изучения общественное явление и представляющая собой тем самым общественную науку, – это в то же время такая же точная наука, как науки естественные и как все остальные науки общественные.

В природе и в развитии человеческого общества имеются определенные законы, открытие которых представляет собой научную задачу. Историко-сравнительный метод, иными словами сравнительное языкознание, открывает те правила, которые определяют развитие языков. Вот почему мы считаем, что историко-сравнительный метод создает базу для настоящего изучения языков и превращает лингвистику в точную науку.

Разделение наук на науки точные, т. е. естественно-математические, и общественные, в которых отсутствуют строгие правила, а наблюдается лишь случайное стечение обстоятельств, уже не кажется убедительным. <...> Законы общественные и естественные принадлежат в общем к той категории, которая реализуется при наличии соответствующих условий. Каждый естественный и общественный закон отражает необходимую связь между явлениями в известной совокупности, обусловленную историческими условиями. Обстоятельства, определяющие эти явления, как, впрочем, и все в природе, существуют в пространстве и времени. Вот почему зависимость предметов и явлений принимает форму зависимости пространственных и временных условий...

<...> 3. Решение какой-либо проблемы во многом зависит от ее предварительной формулировки. Формулирование больших проблем нашей науки тесно связано с теоретическими концепциями исследователей: это база научного исследования. Так, следуя предвзятому мнению, некоторые лингвисты (например, Дж. Бертони) исключили проблему происхождения языка из области лингвистики.

Другой стороны, есть лингвисты, которые предпочитают работать в области теории, психологии и социологии языка, а не его истории...

<...> Проблема происхождения языка, без сомнения, проблема сложная, в решении которой объединяются усилия различных дисциплин. В то же время приоритет в разработке этих вопросов всегда принадлежит лингвистике, что позволило проникнуть в значительно более удаленные эпохи в истории языка, на что даже не могли рассчитывать младограмматики.

<...> 4. Делом большой важности является открытие метода, который способен обосновать реальность лингвистических гипотез. Примечательно, что мы часто встречаемся с двумя или даже бóльшим количеством предположений по одному и тому же вопросу. Исходя из того, что язык является сложной логической структурой, мы можем рассчитывать на помощь математической логики, если мы окажемся в состоянии использовать ее для своих нужд. <...>

(Георгиев В. Методологические проблемы лингвистики // Косовский Б.И. Общее языкознание. Хрестоматия. Мн., 1976. С. 78-88.)

ТЕКСТ 3. Д. Н. УШАКОВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЯЗЫКА

* * *

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873 – 1942)

Д. Н. Ушаков – русский языковед, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР. Лингвистические интересы Д. Н. Ушакова охватывали диалектологию, лексикографию, орфографию, орфоэпию, современный русский язык, методику преподавания языка в вузе и школе.

Первый период научной деятельности Д. Н. Ушакова был посвящен диалектологии. На протяжении ряда лет он был участником Московской диалектологической комиссии, а в 1915 г. стал ее председателем. Все 12 выпусков Трудов МДК (1908-1932) вышли под его редакцией и с его участием. Позднее Д. Н. Ушаков много внимания уделял современному русскому языку, вопросам орфоэпии, правописания, грамматики.

Одним из главных научных достижений Д. Н. Ушакова является четырехтомный «Толковый словарь русского языка» (1935-1940), где он выступает как его редактор и один из составителей.

Д.Н. Ушаков – автор вузовского учебника «Краткое введение в науку о языке», выдержавшего девять изданий (1913; 9-е издание – 1929). Ниже приводятся выдержки из этой книги, посвященные происхождению языка.

* * *

<...> § 113. **Вопрос о единстве происхождения человеческих языков.** Все индоевропейские языки произошли... из одного языка, так называемого индоевропейского праязыка; все семитские – из семитского праязыка; короче, для каждой семьи языков мы предполагаем одного родоначальника. Естественно может явиться вопрос: в каком отношении между собой находятся все эти праязыки и не могут ли они быть сведены, в конце концов, к одному языку? А этот вопрос означал бы: произошли ли все человеческие языки из одного или нескольких языков? На этот вопрос наука теперь еще не может дать ответа. Решаться этот вопрос должен путем сравнения между собой всех открываемых наукою праязыков. Но здесь встречается целый ряд существенных затруднений.

Прежде всего не все человеческие языки изучены с точки зрения родственных отношений, а те, которые изучены, изучены не одинаково. Затем языки, одиноко стоящие в генеалогической классификации, быть может, являются одинокими уцелевшими представителями некогда целых семей. И сколько отдельных языков, и, может быть, целых семей их исчезло уже раньше, чем их успели изучить! Далее, сравнивая, напр., восстанавливаемые праязыки: индоевропейский и семитский, мы не видим между ними ничего родственного. Но, может быть, прошлое самих этих праязыков показало бы нам иное. Необходимо проникнуть в эпохи еще более отдаленные, чем эпохи этих праязыков. И пусть не только эти, а все праязыки были бы восстановлены, – проникновение в их прошлую судьбу и, кроме

того, самое понимание фактов языка такой отдаленной эпохи связаны с такими непреодолимыми, по-видимому, препятствиями, что вряд ли наука когда-либо будет в состоянии решить вопрос, произошли ли человеческие языки из одного или не одного языка.

Этот вопрос – вопрос не пустой, а важный. Но при первом взгляде на него его важность может быть неправильно понимаема: может представляться, что, решив этот вопрос, мы поймем, как вообще возник человеческий язык. Это не так. Вопрос о единстве происхождения человеческого языка и вопрос о происхождении языка, т. е. о том, как возникла у человека способность передавать звуками речи свое внутреннее состояние (мысли, чувства), – два различных вопроса. Если бы даже мы узнали, что все человеческие языки произошли из одного, если бы мы восстановили этот единый праязык, т. е. узнали бы, какие в нем были звуки, слова, какие значения имели эти слова и проч., то и тогда мы все-таки еще ничего бы не знали о том, как вообще звуки речи стали приобретать значения, иначе – как возникла названная выше способность. А в этом-то и заключается вопрос о происхождении языка.

§ 114. Вопрос о происхождении человеческого языка есть вопрос о том, как у человека образовалась способность выражать языком слов свои внутренние состояния, главным образом мысли. Окончательного ответа на этот вопрос в науке нет. Трудность его, как и всякого вопроса о первобытном человеке осложняется еще тем, что само мышление первобытного человека нам неизвестно, является в этой задаче не данным, а искомым, так как известно, что само мышление развивалось в зависимости от развития языка. Вопрос этот выходит за пределы собственно языковедения и решается совместными усилиями многих наук: психологии, физиологии, антропологии и др., и для решения его необходимо изучение физических и духовных явлений, составляющих человеческий язык, изучение того процесса, как мы усваиваем наш язык, языка детей, животных, языка жестов и мимики (у глухонемых, у малокультурных народов) и проч. Высказано было много мнений, и многие из них имеют свою долю истины в объяснении появления разных знаков языка; самое трудное и самое важное – объяснить утрату этими знаками своей непосредственности, обращение их в символы.

Необходимо допустить, что язык произошел не исключительно одним каким-либо путем, и необходимо признать постепенность в его развитии. Заслуживают внимания такие теории, которые признают язык не готовым чем-то, а продуктом психической и физической деятельности человека.

Имеет известную долю истины теория, объяснявшая происхождение языка из **звукоподражания**. Весьма вероятно, что многие слова первобытного языка имели такое происхождение, т. е. что подражание крикам животных, звукам природы постепенно становилось словами, обозначавшими этих животных, эти явления природы. Затруднение – в

объяснении звукоподражанием происхождения слов для обозначения того, что не звучит.

То же надо сказать про теорию **междометий**: весьма вероятно, что многие слова первобытного языка первоначально были произвольными восклицаниями, сопровождавшими чувствования, а затем обратившимися в символы чувствований, произвольно обнаруживаемые... Затруднение – в объяснении происхождения слов как знаков мысли.

По наиболее новой теории, теории эволюции (Вундта), органы речи могли производить так же «выражательные» движения, каковы мимические движения мускулов лица при ощущениях кислого, горького, при чувстве довольства или недовольства, а также пантомимические жесты, т. е. движения, с помощью которых передаются представления. В результате таких движений органов речи невольно получались звуки. Как всякие жесты могут делаться условными знаками, произвольно воспроизводимыми, так и «звуковые жесты». Таким образом, язык слов – частный случай языка жестов. Язык звуковых жестов первоначально существовал нераздельно с другими жестами, но постепенно обособлялся от них: ему отдавали предпочтение ввиду большего его удобства, так как, действительно, им можно пользоваться тогда, когда язык других жестов не достигает цели (напр., в темноте, на расстоянии), однако и при наличности даже развитого языка слов жесты не вовсе выходят из употребления, а частично сопровождают нашу речь.

Подробности процессов, приведших к созданию языка, неясны, но общее направление этих процессов, несомненно, было от непосредственных знаков к символам, от произвольных движений к произвольным.

Какого бы происхождения ни были первые слова человеческого языка, они были, вероятно, не слова, т. е. не знаки отдельных предметов мысли, а знаки целой нерасчлененной мысли... А расчленение цельной мысли шло рука об руку с расчленением звукового целого. Как именно шел процесс, мы не знаем, но предполагаем, что в результате его и получились отдельные слова, как знаки предметов мысли и как знаки тех отношений, которые вырабатывались самой мыслью.

§ 115. Усвоение языка детьми. Мы усваиваем наш язык уже готовым от взрослых, воспринимая готовые словосочетания, готовые слова. Ребенку не приходится вырабатывать себе язык: звуковые знаки уже даны, и ему нужно только научиться тому, с какими знаками какие представления нужно связывать. Отсюда видно, что развитие языка у детей не повторяет собой процесса развития языка в человечестве. Однако много в языке детей аналогично, по-видимому, некоторым сторонам языка первобытного; таково возникновение собственных, не подсказанных взрослыми, звукоподражаний и междометий, становящихся на некоторое время словами, до замены их словами из языка взрослых; таково употребление слов вначале именно в значении целых предложений, точнее, целой нерасчлененной мысли.

Не следует думать, что дети по рождению уже предопределены к тому, а не другому языку. Дети усваивают, и для них делается родным тот язык, на котором говорят с ним взрослые, и русский, напр., ребенок может получить в качестве родного французский или какой-либо иной язык, если с ним говорить исключительно по-французски или на каком-либо ином языке.

§ 116. Жизнь языка как явления физического, психического и общественного. Возникнув каким бы то ни было образом, язык начинает жить в устах говорящих... Язык принадлежит и каждому в отдельности, и целому обществу. Представляя, таким образом, собою явление индивидуальное и явление общественное, он по своей природе, как мы знаем, явление частью физическое, частью психическое. Поэтому и в жизни языка действуют факторы физические, психические и общественные, т. е. изменяется язык и от физиологических причин (изменения в артикуляциях, обусловленные в свою очередь какими-либо более общими причинами) и от психических (действие ассоциаций, которыми связаны в сознании говорящего факты языка), и от общих исторических причин, изменяющих жизнь и состав того общества, которому язык принадлежит. <...>

(Ушаков Д. Н. Краткое введение в науку о языке // Норман Б.Ю., Павленко Н.А. Введение в языкознание. Хрестоматия. Мн., 1984. С. 315-319.)